

Смерть Тарелкина возле Александринского столпа

В старейшем театре России скандал. Миллион долларов поощещало Министерство культуры на программу «Современная жизнь традиции», посвященную Всеволоду Мейерхольду и рассчитанную на пять лет. Но сегодня будущее программы внезапно оказалось под большим вопросом.

На прошлой неделе Маттиас Лангхофф должен был начать в Александринском театре репетиции спектакля «Смерть Тарелкина». Появление Лангхоффа, одного из самых известных европейских режиссеров, в контексте российской театральной жизни — часть программы «Современная жизнь традиции», которую московский Центр имени Мейерхольда осуществляет совместно с петербургской Александринкой, где работал Мастер. Репетиции, начавшись в марте, должны были завершиться к концу апреля, а на 8 мая назначена премьера. Таким образом, старейший театр России и мейерхольдовский центр предполагали отпраздновать 300-летие Петербурга. Предполагали. Но...

Но на днях в Александринке получили письмо от Маттиаса Лангхоффа, адресованное директору театра Георгию Сащенко (копия — главе центра Валерию Фокину).

«Вследствие несоблюдения вами сроков выпуска «Смерти Тарелкина», зафиксированных в контракте, я констатирую аннулирование с вашей стороны этой постановки, а также отказ от моих предложений возмозного решения возникшей проблемы.»

Сроки исполнения всегда являются основным моментом, с которым связаны все остальные пункты любого производственного контракта. Я убежден, что вы не начали работу по строительству декорации в начале января, как предполагалось, и не проинформировали меня об этой задержке для того, чтобы мы вместе попробовали найти решение. Уже один этот факт говорит сам за себя.

Ничто не дает вам оснований утверждать, что я свободен или нахожусь в вашем распоряжении в 2005 году или позже. Не мне говорить вам, что я не являюсь работником вашего театра с фиксированным жалованьем, которое обязывало бы меня оставаться в вашем распоряжении при изменении дат.»

Последствия сложившейся ситуации наносят мне ощутимый ущерб и в том, что касается моей личной

жизни, и в том, что касается моего творчества»...

И далее, на страницу с лишним, более напоминающий дуэльный вызов, чем письмо творца — администратору. Суть, однако, предельно ясна: знаменитый Лангхофф, «расписанный» на годы вперед, не будет выпускать спектакль к юбилею Петербурга и, похоже, вообще не будет работать в Александринке. Что, без сомнения, ставит под удар всю программу, посвященную Мейерхольду.

Между тем программа эта есть двустороннее соизложение. Дня центра она — эксперимент: соединение истории и перспективных поисков, дань крупнейшему театральному новатору XX века. Для Александринки — «паровоз», вызывающий театр к новому качеству художественной жизни. Ведь в этих, некогда прославленных стенах давно уже, по признанию ведущих артистов, живут «скудно, очень скудно»... Центр «вкладывает» в программу имя, энергию и возможности Валерия Фокина, театр — архивы, труппу и — немаловажно — педевр Карла Росси, великолепное здание Александринки.

Скандал (который, без сомнения, будет иметь резонанс на Западе) разразился не на ровном месте, он имеет свою предысторию.

Вместо того, чтобы «запустить» заказ на сложное оформление «Тарелкина» (сценораф сам Лангхофф) в театральные мастерские, с которыми Александринка связана много лет, директор ждал денег из Минкульта. Они задерживались, время шло, Сащенко бездействовал, от помощи отказывался, Лангхоффу ничего не сообщал. Сегодня он (считающийся дуаиемном петербургских театральных директоров и по опыту, и по возрасту) ссылается на то, что Минкульт вовремя не открыл финансирование, а без предоплаты начать работу невозможно. Но у Михаила Швыдкого довод этот вызывает изумление: министерство в любую минуту готово было подтвердить свои обязательства гарантийным письмом — если бы к нему обратились...

В этом «если» и заключена скрытая причина странного саботажа.

Как известно, мейерхольдовскую программу открыл Вале-

рий Фокин, поставив «Ревизора». И всколыхнув попутно все плотно слежавшиеся слои александринской жизни. Спектакль, став событием режиссуры, сделался, само собой, и событием для Александринки. После осенней премьеры часть труппы обратилась в Минкульт с просьбой назначить Фокина художественным руководителем. Среди тех, кто подписал письмо, стояла и подпись Сащенко. Но его, привыкшего мыслить в категориях «Александринка — это я», ждало неприятное открытие: Минкульт в канун 250-летия театра настроился на его тотальное обновление, вплоть до смены директора.

К тому времени Сащенко уже давно был (и привык к этому) единоличным хозяином театра: режиссеров для очередных постановок выбирал сам, названия в репертуар «курировал» сам, назначением на роли зачастую тоже ведал сам, не говоря уж о кадрах, средствах и прочем. Театр под его руководством стал чем-то вроде хозяйства: относительная стабильность за счет летней сдачи зала в аренду, лучшие в Петербурге показатели посещаемости (!) — и очевидное преобладание трехсерьезных спектаклей. В огромной труппе более 90 человек, из которых лишь треть занята в репертуаре. Почему на это дружающее дерево Сащенко вообще согласился пригнать экспериментальный побег, понять трудно. Возможно, бес директора погулал, искусство желание славы.

Впрочем, Георгий Александрович в молодости недаром был маркшейдером. Когда министр культуры, проездом заглянув в его роскошный кабинет, сообщил, что пора «передавать опыт молодым», директор ответил в том смысле, что «сидеть и сидеть буду!»

Решение вопроса отложили до «особо юбилея». За это время в Александринке надежды ували, артисты, предкушавшие интересную работу, разбрелись по углам, за кулисами проронес страшный слух: какое новое руководство сократит труппу вдвое. Всем повысили зарплату.

Можно предположить, что нынешний скандал со «Смертью Тарелкина» — побочное дитя болезненной внутритеатральной ситуации. Но, доводя ее до абсурда, скандал этот грозит не просто обрушением мейерхольдовской программы — будущего Александринского театра.

время МК. — 2005 — 26 марта — с. 11.